

Б. Констриктор. Zaum zum Ende (Транс — Миссия)

*Нас немного, да и тех нет
(Пушкин — Грибоедов).*

Ю. Тынянов.

«Смерть Вазир-Мухтара»,
1927

Нас осталось немного, и нам осталось недолго.

А. Введенский.

«Некоторое количество разговоров»,
1936—1937

ПРЫГ-СКОК

Это сомнительная удача — пережить соратников. Тем более что расхожая мудрость гласит: Бог забирает лучших.

Оставшемуся не остаётся ничего другого, как осваивать жанр некролога. Устроиться с удобством на котурнах невозможно. Поэтому жизнь превращается в пляску св. Витта. От трагического до смешного — одно па. Странное ощущение, будто маски Мельпомены и Талии на физиономии вступают в конвергенцию. А ты навсегда остаёшься с чувством вины, потому что «он не вернулся из боя».

Ментальная клоунада становится способом существования. Цирк и церковь протягивают друг другу руки...

ПАРАД-АЛЛЕ

Борис Александрович Кудряков умер 11 ноября 2005 года. Похоронен в СПб. на Волковском кладбище. Прожил 60 лет.

А. Ник (Аксельрод Николай Ильич) умер 31 мая 2011 года. Похоронен в Праге на Ольшанском кладбище. Прожил 65 лет.

Ры Никонова (Таршис Анна Александровна) умерла 10 марта 2014 года в городе Киле. Похоронена в Шотландии. Прожила 71 год.

Сергей Сигей (Сигов Сергей Всеволодович) умер 21 сентября 2014 года в городе Киле. Похоронен в Шотландии. Прожил 67 лет.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕПТИЛИЙ

Сейчас, когда весь журнал «Транспонанс» выложен в сети, трудно уже представить, чем это было тогда, когда царствовала пишущая машинка, когда информация была эксклюзивной, а не тотальной.

Аристократические пять экземпляров журнала были событием для маргинальных кругов Ленинграда, Москвы, Свердловска...

Я попал в эту трансфуристскую мясорубку («Плачь мясорубка вскачь» — Хармс) благодаря Игорю Бахтереву. В 70-е годы прошлого века получил он письмо от Сергея Сигея с приложением нескольких рукодельных книг. Название одной из них застряло в памяти — «Одуряка». Это было нечто запечат-

лѐнное при помощи трафарета на нескольких узких рулонах из крафт-бумаги. В конце распутывания-прочтения рецепиент обматывался ими, как Лаокоон змеем. Игорь Владимирович дал эти раритеты на просмотр Владимиру Эрлю, тот продемонстрировал их мне, а потом в Ленинград приехал Сергей Сигей. Мы познакомились так удачно, что впоследствии я женился на сестре его жены, Ры Никоновой, — Надежде Таршис. Но если бы дело ограничилось только свадьбой! В результате интенсивного общения с двумя выдающимися транспоэтами я сменил ветхую постакмеистическую одѐжку на яркое рубище трансфуриста. Превратился в Б. Констриктора, на время забросив прежний псевдоним (Борис Ванталов). Для меня эпоха «Транспонанса» стала праздником. Было весело играть в жмурки со смыслом. Примерять футуристические карнавальные маски, осваивая новые техники письма. Быть в стилистических разночтениях не только с режимом, но и с большинством противостоящей ему оппозиции. «Транспонанс» перпендикулярен всему. Он был один. Столп-остолоп утверждения звезды бессмыслицы.

ГЕРОИ-ТРАНСФУРИСТЫ

Пять авторов, представленных в этом сборнике, при общем авангардном векторе их творчества отнюдь не схожи друг с другом. Каждый по-своему впадал в Транс. Масштабы их дарований различны, но сопоставимы.

Если в начале века футуристы были озабочены бросанием Пушкина с парохода современности, то во времена «Транспонанса» палуба была так основательно зачищена, что вылавливание и спасение уже их наследия стало для издания важнейшей задачей. Атлантида авангарда открывалась заново равно как для читателей, так и для самих авторов журнала. Поэтическая диффузия растянулась почти на столетие. Здесь же успели напечатать свои тексты такие аксакалы, как Н.И. Харджиев, И.В. Бахтерев...

И всё это потом пролонгировалось в будущее. Сигей издал книгу любимого им Василиска Гнедова (произведения которого не раз печатались в журнале), книжки Бахтерева в мадридском издательстве Михаила Евзлина, письма Харджиева к нему; вышел Венский Славистский Альманах, посвящённый Ры и Сигею. «Транспонанс» стал осьминогом, отправленным в будущее, его футур-щупальцы ещё долго будут осязать время.

Ры была обыкновенным гением (в жизни мне довелось наблюдать ещё одно такое чудо — Елену Шварц). Её музыкальные (всю жизнь преподавала фортепиано) и математические способности, особое научно-художественное устройство ума позволяли ей превратить всю махину искусств в некое подобие домашнего клавирина, из которого она извлекала безграничные калейдоскопические комбинации из букв, слогов, изображений и слов. Изобрела вакуумную и векторную поэзию...

Это была нескончаемая феерия, её творческий завод, казалось, не имел пределов. К сожалению, человеческое тело устроено иначе...

Недавно, слушая радио «Орфей», я был ошеломлён: звучал потрясающий голос Анны, её виртуозное исполнение абстрактных стихов; но тут диктор объявил: Чечилия Бартоли пела в честь сопрано Малибран песню «Ратаплан».

При просмотре на видео спектакля «Сверлийцы» Б. Юхананова (Электротheater «Станиславский»), его пятой части на музыку В. Раннева, я поймал себя на том, что слышу тридцатилетней давности аудиокассеты с записями Анны, как будто снова оказался в Ейске. Одолженный некогда у знакомых магнитофон «Шарп» оказался машиной времени.

Сигей — оксюморон: безумное сочетание старинной жантельности в быту с бюджетлянской удалью в творчестве. Кажется, он родился футуристом, и погрешками ему служили «Пощёчина общественному вкусу», «Садок судей», «Игра в аду». Его познания в этой сфере поражали. Если мне Сергей Подгаевский представлялся малознакомой экзотикой, то для Сигея он едва ли не близкий родственник — такова была степень его вовлечённости в весь этот труднодоступный и, кажется, безвозвратно ушедший мир. «Родственниками» ему были и итальянские футуристы, и немецкие дадаисты, и французские сюрреалисты... Несть числа этой родне.

Он обладал исключительной памятью, способностью к языкам и кулинарии.

Ры и Сигей — мощный союз двух бескомпромиссно, безоглядно творческих людей. Можно сказать, что «Транспонанс» был их третьим ребёнком. А (при-)родные дети, Август и Сигизмунд, ставили авангардистские кукольные спектакли.

В этом домике в глухом кубанском городке, в железнодорожном тупике, шла нескончаемая футурналия. Какие картины висели на стенах! А ещё больше было их скатанных в рулоны (вот она, «Одурыка»!); Книги собственных стихов, прозы, пьес с иллюстрациями авторов, переплетённые Сигеем, были повсюду. Переписанные от руки и перепечатанные на машинке Гнедов, Чичерин, Туфанов... Ещё был мейл-арт, заставивший содрогнуться местную почту. Но с ейским базаром это изобилие не состыковывалось никак. Поэтому в канун тысячелетия оба трансфуриста на пароме отбывают в Германию, заказав для перевозки архива огромный контейнер. Но это уже другая история, не имеющая отношения к журналу. Его выпуск завершился в 1986 году на 36-ом номере.

А. Ник — мой двоюродный брат по отцу и троюродный по матери. В конце 60-х он привёл меня на Малую Садовую, где в кофейне собиралась ленинградская богема. Тогда же он начинает писать стихи и прозу, примыкает к Хеленуктам. В 1972 году, женившись на чешке, уезжает в Прагу. С Ры и Сигеем знакомится через меня, вступает с ними в активную переписку. Потом начинает печататься в «Транспонансе».

Коля был Голливудом (Колявуд), фабрикой снов. Природа наделила его сновидческим даром. Он помнил все свои бесчисленные сны, а главное — умел их виртуозно воспроизводить на бумаге (пенталогия «Сон о Фелмори»). Стоит ли удивляться, что «Сон о Маринетти» оказался в журнале?! Туда же отправились стихи и визуалы.

А в 1984 году, во время последнего приезда А. Ника в Ленинград, состоялось грандиозное выступление трансфурристов в театральной студии Клуба-81, где, помимо пражского гостя, выступали Бахтерев, Ры, Сигей и я, а также звонко лаяли собаки (см. об этом т. 5Б «Антологии у Голубой Лагуны» К. К. К.).

Отмечу здесь, что все пять авторов сборника — художники. А. Ник подвизался в редчайшем жанре абстрактной графики ещё и потому, что как мало кто осознавал иллюзорность «реального» мира. Конкретное для него было не так интересно.

Борис Кудряков — закончив вместе с А. Ником одно и то же фотоучилище, отслужив три года в армии (стройбат рядом с Монголией), тоже оказался на Малой Садовой, где знакомится с К.К. Кузьминским и, наряду с фотографией, начинает писать стихи и прозу, печататься в самиздате. Ры знакомится (благодаря этому) с его творчеством и пишет ему письмо, приглашая к сотрудничеству. Борис приезжает в Ейск и начинает печататься в «Транспонансе».

Борис Александрович был самородком. Он не вышел из хорошей детской. Но в процессе существования сам утончился настолько, что о его последних натюрмортах, снятых обыкновенной мыльницей, можно сказать только одно — дзен.

Опережая своё время, он смело вводил тексты в свои живопись, рисунки, фотографии. Его проза и поэзия насыщены абсурдистской социальностью, на которую он взирает беспристрастным взглядом фотографа-естествоиспытателя. Его творческий потенциал казался безграничным. Дома у него

висели длинные полосы бумаги, на которых были записаны проекты будущих свершений, но... (см. «Парад-алле»).

Б. Констриктор — в том же духе писать здесь о себе было бы глупо и неприлично. Но кое-что приходится сказать... В отличие от остальных, я почти не писал пьес, но перформансы продолжал практиковать. И вместе со скрипачом Борисом Кишнисом мы создали новый жанр — «двойная вибрация», который лёг в основу наших выступлений в рамках театра «ДвоеБорье».

ОП—ЛЯ!

«Транспонанс» и люди, связанные с ним, оказали на мою судьбу сильнейшее, если не решающее воздействие. Это были уникалы.

Закончить же мне свои «остолопские» заметки хочется маленьким взвизгом 33-летнего себя из 15-го номера «Транспонанса» 1983 года:

Я в трансе
оно в транспонансе
нонсене нуля
Бахтерев и я
это конопля
оп — ля!

май 2016

P. S.

Дорогие

Аня,
Сергей,
Барис
и Юля,
простите
если это

сделал

не так.

Я люблю вас
больше алкоголя.

Б. Конструктор

Петербург.

Так - так.